

XVI

$\frac{45}{10}$

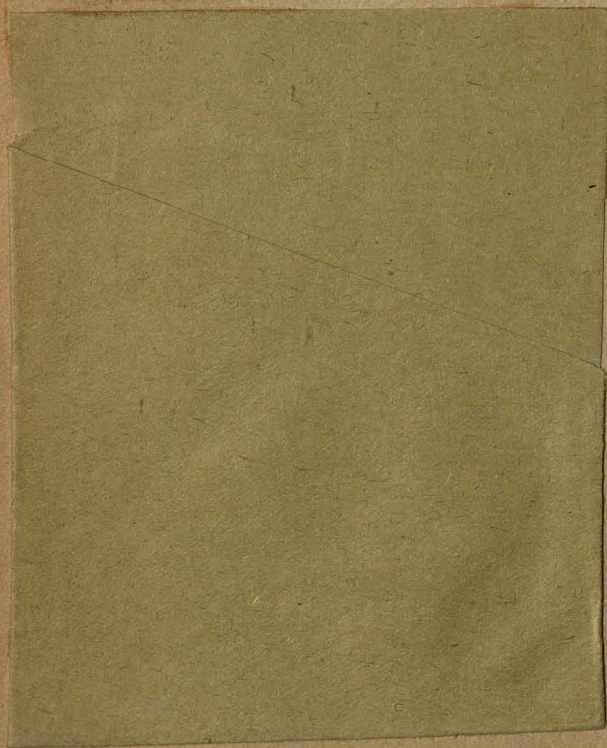
r.8

1914 - 15

n1 - 24

XVI $\frac{45}{10}$

серия № 9

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія
библіотеки городскихъ училищъ.

Годъ изданія восьмой.

НОЯБРЬ.

№ 1.

1914.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ХМУГАЯ ОСЕНЬ (стих.).
ЗАПИСКИ ОБЕЗЬЯНКИ.
СНѢЖИНКА.
УЖЪ РАМЫ ВСТАВИЛИ... (стих.).
НАТАША (повѣсть).
ГОЛОВОЛОМКИ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Мельница—для склеиванія.
Шагъ впередъ, два назадъ (игра).

№ 1. Ноябрь, 1914. Годъ издания VIII-й. Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Дѣвочка съ котенкомъ.

ХМУРАЯ ОСЕНЬ.

Природа такъ грустна, мертва... И холодѣеть. Съ каждымъ днемъ
Вода ужъ въ лужицахъ застыла, Погода хуже, хуже, хуже,
И слышно было, какъ сова Повсюду кочки, грязь и лужи —
Не разъ, не два на крышахъ ныла. И мы гулять ужъ не идемъ.

Осенній вѣтеръ въ печкахъ выль, Ахъ, гдѣ-же лѣто, гдѣ цвѣты?
Въ саду шумѣль листомъ поблек- Гдѣ розы, цвѣтшія такъ пышно?
лымъ, О, лѣто милое, гдѣ ты?
Потомъ холодный дождикъ былъ И почему ужъ птицъ не слышно?
И до утра стегаль по стекламъ. Кузнечикъ.

ЗАПИСКИ ОБЕЗЬЯНКИ.

Я родилась въ Южной Африкѣ, очень шумную жизнь. Съ утра и въ Конго, въ безконечномъ тропическомъ лѣсу. Я такъ никогда и не узнала, гдѣ были границы этого лѣса. Мы жили цѣлымъ большимъ обществомъ на вѣтвяхъ громаднаго, раскидистаго дерева и тутъ-же около насъ гнѣздились и попугаи. Мы часто передразнивали ихъ и бросались въ нихъ плодами и сухими вѣтками, но это не мѣшало намъ жить съ ними въ мирѣ. Попугаи были самыми лучшими нашими сосѣдями, не обижали насъ и я не могу себѣ представить жизни безъ попугаевъ. Такъ уже устроено самой природой, что тамъ, гдѣ живемъ мы, мартышки, всегда живутъ и попугаи, — и наоборотъ. Мы вели

очень шумную жизнь. Съ утра и до вечера мы прыгали по вѣтвямъ нашего дерева, швырялись чѣмъ попало, а когда наступала лунная ночь, то мы положительно всю ее не спали и не давали спать и попугаемъ. Наши родители обыкновенно сидѣли въ сторонкѣ и любовались на луну, а мы, молодежь, шумно играли, боролись и иногда даже и дрались. Въ такихъ случаяхъ наши матери подходили къ намъ, разнимали насъ и давали намъ подшлѣпники. Иногда мы всѣмъ обществомъ оставляли наше дерево и шли грабить ананасныя плантаціи, которыя развелъ въ нашемъ лѣсу на большой полянѣ какой-то иностранецъ. Изломавъ у него все, мы такъ-же

шумно возвращались къ себѣ обротно.

— Вотъ погодите! грозилъ онъ намъ кулакомъ.—Я вамъ отомщу!

Но мы не боялись его. Мы боялись только тигровъ, которые иногда нападали на насъ, да змѣй, которыя всползали на наше дерево и пожирали нашихъ малютокъ.

Ахъ, какъ я люблю вспоминать свой лѣсъ! Какія въ немъ удивительныя деревья! Какое надъ нимъ всегда голубое, радостное небо и какъ въ немъ всегда было влажно и тепло! Такихъ фруктовъ и плодовъ, какими я питалась въ немъ, я не ѣла уже больше никогда.

И вотъ однажды я попалась. Меня подстерегъ иностранецъ и поймалъ. Онъ раскинулъ подъ нашимъ деревомъ сѣть и сталъ на ней кувырваться. Накувыркавшись вдоволь, онъ ушелъ. Мы съ любопытствомъ смотрѣли, что онъ дѣлалъ.

— А не покувырваться-ли и намъ? предложила одна изъ нашихъ мартышекъ.

— Да, да! отвѣтили всѣ мы хоромъ.—Это будетъ такъ интересно!

Мы всѣ очень переимчивы и любимъ подражать другимъ. Поэтому мы спустились съ нашего дерева, кинулись на сѣть и стали въ ней кувырваться. Каково-же было наше удивленіе, когда вскорѣ оказалось, что мы въ ней запутались. Мы испугались, стали изъ

нея высвобождаться, но всѣ наши усилія не привели ни къ чему. Мы только еще болѣе запутались.

Какъ вдругъ выбѣжалъ изъ засады человѣкъ и бросился къ намъ.

— Ага, попались! закричалъ онъ.—Теперь ужъ вы больше не, будете меня обворовывать!

Къ нему подбѣжали еще двое и стали совать насъ въ мѣшки.

Отъ страха я едва могла дышать. А когда потомъ меня вынули изъ мѣшка, то я поняла, что лишилась свободы уже навсегда. Насъ по цѣлымъ десяткамъ разсажали по клѣткамъ, и повезли къ берегу моря. Здѣсь насъ погрузили на пароходъ и повезли въ Европу продавать. Какъ я плакала, какъ я грустила, когда навѣки разставалась съ родными мѣстами и закачалась затѣмъ по волнамъ.

По мѣрѣ того, какъ пароходъ поднимался къ сѣверу, становилось все холоднѣе и въ воздухѣ уже не было той оранжерейной влажной теплоты, какою былъ напоенъ нашъ африканскій лѣсъ. Это заставляло насъ страдать. Многія изъ насъ не перенесли морского путешествія и умерли по дорогѣ. Матросы брали ихъ за заднія ноги и бросали черезъ бортъ прямо въ воду. Какъ это было ужасно!

Насъ привезли въ Италіанскій городъ Геную. Тотчасъ-же вокругъ насъ собралось много народу, который сталъ насъ покупать. Меня купилъ мальчикъ Марко Босси,

прелестный итальянчикъ лѣтъ десяти. Было холодно, шелъ дождь. Марко сунулъ меня за пазуху и завернулъ меня въ полы пиджака.

— Здѣсь тебѣ будетъ тепло!.. сказалъ онъ.—Прижмись покрѣпче ко мнѣ!

Я прижалась и въ первый разъ за все это длинное путешествіе почувствовала себя хорошо.

Повидимому и мальчикъ былъ доволенъ, что купилъ меня. Онъ гладилъ меня по головѣ и смотрѣлъ на меня нѣжными, ласковыми глазами.

— Я буду звать тебя Фриной!.. сказалъ онъ.—Теперь, Фрина, ты отдохни немного съ пути, а потомъ я научу тебя танцовать и мы будемъ ходить по городу и собирать деньги. Мои родители бѣдны и я долженъ помогать имъ. Они живутъ далеко-далеко отсюда за Неаполемъ. Я здѣсь совершенно одинъ...

Онъ понесъ меня на край города въ какую-то лачугу, гдѣ сталъ учить меня танцовать. А затѣмъ для меня начались тяжелые, мучительные дни. Съ утра и до вечера, мы ходили по большому городу, я танцевала, а мой бѣдный Марко пѣлъ. Въ жару, въ холодъ, въ дождь мы ни на одинъ день не прекращали нашего ремесла и переходили изъ улицы въ улицу и отъ дома къ дому. Но заработки наши были ничтожны. Бывали дни, когда Марко нечего было ѣсть. Мнѣ перепали только крошки

черстватаго хлѣба и я стала худѣть. Прижавшись къ груди своего маленькаго хозяина, я мучилась отъ непривычной для меня жизни, страстно хотѣла къ себѣ домой въ Африку, но уѣхать туда было уже нельзя. Да я и не рѣшилась-бы уѣхать. Я такъ полюбила Марко, что не могла-бы съ нимъ разстаться. Его ласка согрѣвала меня, его нѣжное обращеніе со мной заставляло меня забывать о всѣхъ лишеніяхъ.

— Ахъ, Фрина, мечталъ онъ.— Если-бы я былъ богатъ, то я увезъ-бы тебя къ себѣ въ деревню, устроилъ бы для тебя цѣлый садъ, въ которомъ росли-бы персики, абрикосы и виноградъ,—и ты чувствовала-бы себя, какъ на родинѣ!

Но это были только мечты. Жизнь протекала совершенно иначе и оба мы часто не имѣли даже, гдѣ преклонить голову, и ночевали прямо на тротуарѣ.

Такъ прошли тяжелые полгода. Только одинъ разъ за все это время мы и были сыты. Насъ пригласили принять участіе въ представленіи въ какомъ-то заѣзжемъ балаганѣ. Тамъ показывалась пьеса „Робинзонъ Крузо“. Я и чей-то несчастный, общипанный попугай, должны были сидѣть у Робинзона на плечахъ. Мой Марко игралъ Пятницу. Когда на морѣ показался корабль, то Робинзонъ влѣзъ на дерево и сталъ махать ему платкомъ, что-бы онъ под-

плыль поближе и взялъ его съ собой. Я была въ тотъ день больна и едва имѣла силъ, чтобы удержаться у Робинзона на плечѣ, но тѣмъ не менѣе слѣдила за представлениемъ и мнѣ показалось очень забавнымъ именно то, что Робинзонъ махалъ кому-то платкомъ. Намъ уплатили немного денегъ, покормили меня финиками — и мы опять оказались на улицѣ. Но я была довольна: въ первый разъ за все это время я была сыта. Полученныя деньги Марко отослалъ своему отцу.

Однажды послѣ долгой ходьбы по городу Марко сѣлъ на ступени какого-то памятника и заснулъ. Я помѣстилась у него у груди и прижала голову къ его щекѣ. Грѣло солнышко и такъ вспоминалось объ Африкѣ! Какъ вдругъ послышался дѣтскій голосокъ:

— Папа, посмотри, какая прелестная обезьянка прижалась мордочкой къ лицу мальчугана!

У самага памятника стояли господинъ, дама и дѣвочка лѣтъ девяти.

Смущенный Марко вскочилъ и приподнял шляпу. Я крѣпко уцѣпилась въ его плечо.

— Какая славненькая!.. продолжала дѣвочка и, протянувъ ко мнѣ апельсинъ, сказала:— На, ѣшь!

Я быстро схватила у нея апельсинъ.— Ахъ, съ какимъ наслаждениемъ я съѣла его прямо съ кожурой! Какимъ это было для меня

праздникомъ послѣ столькихъ мѣсяцевъ недоѣданія! Съѣвши, я заискивающе поглядѣла на дѣвочку: не дастъ-ли мнѣ она еще? Она развернула пакетикъ съ финиками и протянула ко мнѣ. Я схватила во всѣ четыре руки по финику, заложила еще два въ защечные мѣшки и, спрыгнувъ на землю, принялась за завтракъ.

— Мама, обратилась дѣвочка къ матери,— можно мнѣ отдать все остальное этому мальчику?

— Отдай... отвѣтила мать.

Дѣвочка протянула къ Марку весь свой пакетъ. Онъ обрадовался и сталъ благодарить. Я замѣтила, что онъ былъ доволенъ не меньше, чѣмъ я.

Они осмотрѣли памятникъ со всѣхъ сторонъ и собрались идти далѣе.

— Какъ-бы мнѣ хотѣлось увидѣть эту обезьянку еще разъ!.. сказала дѣвочка.— Что, если-бы этотъ мальчикъ пришелъ съ ней къ намъ!

— Что-жъ, это можно сдѣлать! отвѣтилъ отецъ и, подойдя къ Марку, далъ ему свой адресъ и приказалъ ему придти вмѣстѣ со мною черезъ два дня.

Съ какимъ нетерпѣниемъ мы ожидали, когда пройдутъ эти два дня! Сколько разъ Марко подходилъ къ указанному дому, не смѣя въ него войти! Сидя у самой его груди, я слышала, какъ отъ волненія стучало его сердце.

— Какъ-то ты будешь, Фрина, тамъ себя вести? волновался онъ.
— Ты должна будешь въ благодар- ность показать тамъ всё свои фокусы! Быть можетъ даже, что намъ что-нибудь дадутъ.. Тогда мы пошлемъ въ деревню къ отцу и матери..

Но вотъ и условленный часъ. Вотъ и тотъ домъ, гдѣ живутъ эти господа. Привратникъ указываетъ Марко на лѣстницу, мы поднимаемся и входимъ. Тамъ еще не кончили завтракать.

— А, здравствуйте! встрѣчаютъ насъ возгласами дѣвочка и ея отецъ.

Марко подходитъ ближе, а я вижу, что на столѣ въ вазѣ стоятъ фрукты, не могу удержаться, чтобы не полакомиться ими, и изъ всѣхъ силъ начинаю вырываться отъ мальчика. Онъ еле удерживаетъ меня. Дѣвочка вскакиваетъ изъ-за стола.

— Сиди, Женни, говоритъ ей мать.— Она подойдетъ сейчасъ поближе. Мальчикъ, отпусти сейчасъ свою обезьянку на волю! Пусть она побѣгаетъ на свободѣ!

Марко пугливо спускаетъ меня съ цѣпочки и я—прыгъ!—въ одно мгновеніе усаживаюсь на столѣ и принимаюсь за фрукты. Я роняю потомъ персикъ прямо въ молочникъ со сливками, опрокидываю вазу съ цвѣтами и ѣмъ подвернувшуюся подъ руку горчицу. Всѣ громко смѣются. Женни хохочетъ

больше всѣхъ. Затѣмъ, обрадовавшись свободѣ, я начинаю бѣгать по всей столовой. Подъ конецъ я взбираюсь на висячую лампу и начинаю на ней качаться, какъ на качеляхъ. Марко внѣ себя отъ ужаса за мое поведеніе, но всё весело смѣются и стараются его ободрить.

— Ничего, ничего!.. говорятъ они.— Пусть ее! Это такъ забавно!

Это былъ праздникъ моей жизни. Когда мы ушли затѣмъ отъ этихъ господъ, то и Марко былъ доволенъ. Онъ разговаривалъ со мной о томъ, какъ они богато жили, какъ онъ вкусно и сытно поѣлъ, какъ они ласково съ нимъ обращались. Кромѣ того, они дали ему еще и денегъ. Ахъ, съ какимъ наслажденіемъ онъ поѣлъ на нихъ на слѣдующій день макаронъ и накормилъ и меня!

Мы стали ходить къ этимъ господамъ каждые два дня. Ихъ ласка была нужна для нашихъ одинокихъ сердець, мы уже не могли жить безъ нихъ и считали часы и минуты, когда увидимъ ихъ опять! И всякій разъ Женни принимала насъ, какъ родныхъ, радушно и привѣтливо, и ласкала меня такъ, что я могла-бы положить за нее свою жизнь.

— Какая ты славная! говорила она.— Какъ-бы я желала что-бы ты была моей!

— Бывать у Женни, видѣть ее, слышать ея голосъ стало для

насъ потребностью. Но однажды, придя къ ней и ставши передъ ея домомъ, мы удивились, что не увидали въ окнѣ ея личика. Были спущены занавѣски и во всей квартирѣ стояла тишина. Марко постоялъ немного и не зналъ, дожидаться ему или уходить. Онъ глубоко вздыхалъ. Какъ вдругъ вышла изъ воротъ какая-то женщина и спросила:—

— Тебя зовутъ Марко?

— Да, отвѣтилъ мой хозяинъ.

— А твою обезьянку Фриной?

— Да...

— Ну, такъ вотъ лакомства для тебя и для твоей обезьяны! Эти знатные господа неожиданно уѣхали въ Неаполь. У нихъ своя собственная яхта. Они получили оттуда телеграмму. Барышня поручила мнѣ передать тебѣ эти сласти..

Марко стоялъ, какъ пораженный громомъ.

— Въ Неаполь? воскликнулъ онъ.

— У нихъ своя собственная яхта?.. Какъ жаль, что я этого не зналъ! Я попросился-бы у нихъ и поѣхалъ-бы вмѣстѣ съ ними къ себѣ на родину. Я такъ здѣсь соскучился!..

Вся Генуя какъ-то сразу опустѣла для насъ послѣ отъѣзда Женни; точно она занимала собою весь городъ. Марко заскучалъ, сталъ томиться, тосковать. Ему сразу опротивѣла эта безнадежная, уличная жизнь и захотѣлось уюта, семьи, теплаго отношенія.

— Ахъ, Фрина, сталъ онъ восклицать,—какъ мнѣ хочется домой, на родину! Какъ я соскучился по отцѣ и матери! Какъ-бы мнѣ хотѣлось въ Неаполь!

А тѣмъ временемъ наступала уже зима. Было холодно, дулъ рѣзкій вѣтеръ и шли холодные, унылые дожди. Я простудилась и стала кашлять. Марко тоже чувствовалъ себя неважно. По цѣлымъ днямъ мы находились на улицѣ, а по ночамъ, промокшіе до костей, никакъ не могли согрѣться.

— Нѣтъ, рѣшилъ вдругъ Марко,—я больше такъ не могу! Поѣду къ себѣ въ Неаполь!

Но кто повезъ-бы туда его безъ денегъ? Онъ и самъ сознавалъ это и все время ходилъ хмурый, придумывая, что-бы такое сдѣлать, чтобы добыть нужную сумму, и вдругъ придумалъ.

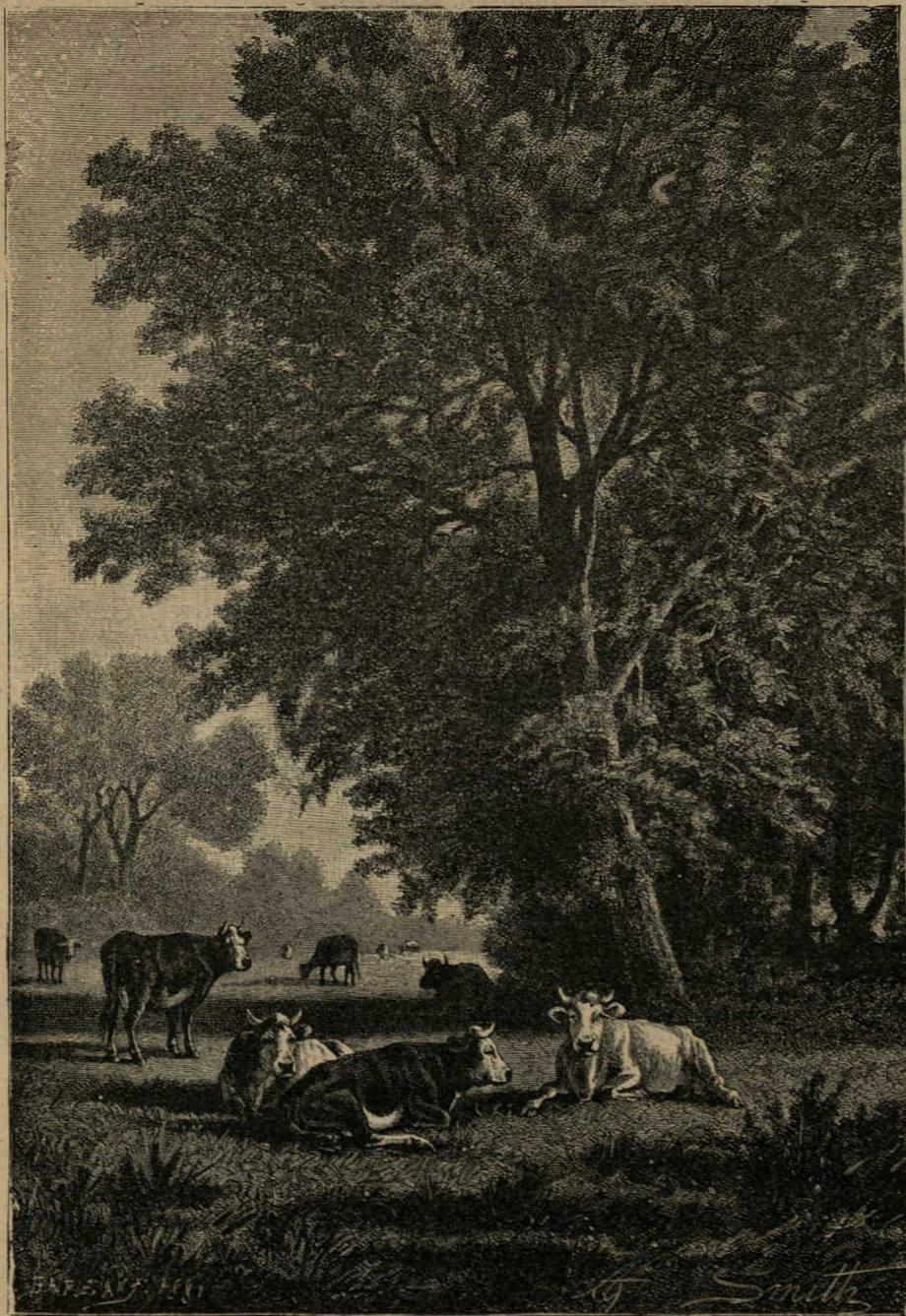
— Пойдемъ на гавань! сказалъ онъ.

И мы пошли. Остановившись около одной изъ пристаней, онъ спустилъ меня на землю и сталъ показывать мои представленія. Собралась вокругъ насъ цѣлая толпа матросовъ, которая хлопала въ ладоши и громко хохотала.

— Bravo, bravo! кричала она.—Еще разъ! Повтори!

Послѣ представленія изъ группы моряковъ отдѣлился одинъ и подошелъ къ моему Марко.

— Послушай, малый, сказалъ онъ,—я хочу сдѣлать тебѣ пред-

Въ полдень.

Въ ненастьѣ.

ложеніе. У меня на кораблѣ не хватаетъ одного мальчугана. Ты, я вижу, хорошій дѣтина, привыкъ къ невздамъ, къ тому-же и обезьяна у тебя веселая... Хочешь поступить ко мнѣ безъ жалованія, только на однихъ харчахъ? Ты будешь по пути забавлять насъ своей обезьяной... А?

Боже мой, какое счастье! Получить мѣсто на кораблѣ, хотя-бы изъ-за однихъ только харчей! Развѣ Марко могъ когда-нибудь на это рассчитывать? Сердце его забилось отъ радости.

— А вашъ корабль куда теперь идетъ? робко спросилъ онъ.

— Въ Сицилію, отвѣтилъ морякъ. — Мы пройдемъ мимо Неаполя и если представится случай, то зайдемъ въ него!

— Въ Неаполь? обрадовался Марко. — Въ такомъ случаѣ я ѣду съ вами!

На слѣдующее-же утро, едва только взошло солнце, мы были уже на суднѣ. Я по обыкновенію сидѣла у Марко на плечѣ. Въ рукахъ онъ держалъ маленькій узелъ, въ которомъ заключалось все его имущество. Нанявшему его вчера моряку, очевидно, было пріятно, что онъ сдержалъ слово, потому что онъ ласково потрепалъ его по плечу и сказалъ:— Моодецъ!

Корабль оказался очень маленькимъ. Это была скорѣе парусная лодка-фелукка, чѣмъ корабль, но радость, что мы отправляемся въ

путешествіе, дѣлала и ее для насъ прекрасной. Скоро былъ поднятъ якорь и поставлены были паруса и, подгоняемое попутнымъ вѣтромъ, наше суденышко вышло въ открытое море. Генуя и ея громадный портъ стали постепенно удаляться отъ насъ и наконецъ скрылись совсѣмъ.

Марко плылъ по морю въ первый разъ въ жизни. Его занимало все: и синѣвшіе вдаль берега, и лазурныя волны, и выскакивавшіе изъ воды дельфины. Ему нравилась трудовая жизнь на кораблѣ, въ которой онъ принималъ участіе: вмѣстѣ съ матросами онъ убиралъ снасти, мылъ палубу, ѣлъ и пилъ. Я старалась всѣхъ смѣшить и часто самъ хозяинъ судна бралъ меня къ себѣ въ каюту и кормилъ сластями. Меня и Марко скоро полюбили всѣ.

Черезъ шесть дней мы проходили мимо Неаполитанскихъ береговъ. Виднѣлись вдаль мерцавшіе огни маяковъ Неаполя и въ первый разъ въ жизни я увидѣла во мракѣ ночи вулканъ. Темная масса Везувія и Соммы выростали изъ воды и изъ Везувія вылетали огненные языки.

Сердце Марко билось отъ радости. Онъ стоялъ у борта, глаза его сверкали и онъ не могъ оторвать ихъ отъ вулкана.

— Ты понимаешь, Фрина, что мы уже близко! говорилъ онъ съ восторгомъ. — Недалеко отъ этой

огнедышащей горы—Неаполь, а въ двадцати километрахъ отъ него, въ глубинѣ страны,—моя родина, наша деревня. Воображаю, какъ обрадуются мои мать и отецъ, когда мы къ нимъ явимся. Вѣдь они вовсе не ожидаютъ насъ!

— На Везувіи—зловѣщія облака! вдругъ сказали капитанъ.—Это нехорошій признакъ! Надо принять мѣры на случай непогоды.

И обмѣнявшись нѣсколькими словами со своими матросами, онъ ушелъ къ себѣ въ каюту.

Въ полночь тяжелая туча заволокла собою небо и загудѣлъ рѣзкій пронзительный ветеръ. Море заволновалось и зашумѣло. Ослѣпительныя молніи стали прорѣзывать небо изъ края въ край и страшные раскаты грома сливались съ ревомъ волнъ въ одинъ общій вой. Насъ, какъ щепку, увлекло обратно въ открытое море, стало бросать изъ стороны въ сторону, такъ что у меня стала кружиться голова. Марко еле держался на ногахъ и выраженіе страха появилось въ его глазахъ.

— Осторожнѣе! кричалъ капитанъ со своего мѣста.—На Везувіи изверженіе и потому буря будетъ еще сильнѣе! Здѣсь масса подводныхъ камней и пустынныхъ, необитаемыхъ острововъ! Держите лѣвѣе!

Долго сопротивлялся мой бѣдный Марко бурѣ, но наконецъ его укачало и онъ слегъ. Онъ при-

жалъ меня къ себѣ и такъ цѣлые часы оставался въ полузабытѣ. Мнѣ тоже было нехорошо.

Какъ вдругъ насъ испугалъ сильный толчекъ, сопровождавшійся ужаснымъ трескомъ и шумомъ. Я испугалась и вцѣпилась въ куртку Марко. Онъ тоже въ страхѣ вскочилъ на ноги. Всѣ какъ бы присѣли отъ охватившаго ихъ ужаса. Оказалось, что судно наскочило на камень, и получило пробоину. Вода въ одинъ мигъ наполнила корабль снизу, въ то время какъ громадныя, свирѣпыя волны стали заливать его сверху. Черезъ нѣсколько минутъ онъ неминуемо долженъ былъ пойти ко дну. Новый порывъ вѣтра сломалъ у насъ мачту. Она упала, зацѣпила собою Марко и увлекла его съ собою въ воду. Онъ и я оказались въ волнахъ. Я вцѣпилась въ него всѣми четырьмя руками, все помутилось у меня въ глазахъ. Когда онъ снова вынырнулъ на поверхность, то при свѣтѣ молніи мы увидали невдалекѣ отъ себя какой-то большой обломокъ. Маркъ ухватился за него, мы оглянулись по сторонамъ и къ ужасу своему я увидѣла, что судно отъ насъ отнесло уже далеко и что оно тоже погибало. Я вцѣпилась въ Марко, Марко вцѣпился въ обломокъ и мы поплыли. Чтобы лучше удержаться, я обвила шею Марко хвостомъ. Но скоро онъ лишился чувствъ. Насъ еще долго

носило по волнамъ, пока наконецъ не лишилась чувствъ и я.

Когда-же я пришла въ себя, то свѣтило солнце. Я лежала на берегу маленькаго необитаемаго островка, которыхъ много у береговъ Италии. Около меня лежалъ и Марко. Насъ обоихъ выбросило на берегъ. Я толкнула Марко. Онъ очнулся, приподнялся, оглядѣлся по сторонамъ и помолился Богу. Скоро ласковое солнце обогрѣло насъ обоихъ, но мы къ ужасу своему убѣдились, что на всемъ островкѣ мы были одни и что рассчитывать на чью-нибудь помощь было невозможно. И для насъ потянулись тяжелые часы. Правда, мы нашли нѣсколько дикихъ фруктовыхъ деревьевъ, плодами которыхъ и утолили нашъ голодъ, но насъ мучила сильная жажда. Островокъ оказался безводнымъ. Съ каждымъ часомъ силы Марко падали и кончилось дѣло тѣмъ, что онъ растянулся на землѣ, глаза его закрылись и онъ снова лишился чувствъ. Я смотрѣла на своего хозяина съ безпокойствомъ. Если я не дамъ ему воды, думала я,—то онъ умретъ.

И, оставивъ его одного, я отправилась на поиски. Долго я искала и наконецъ нашла въ скалѣ маленькое углубленіе, въ которомъ не высохла еще вода отъ вчерашняго дождя. Я возвратилась къ нему, сняла съ его шеи платокъ и помчалась съ нимъ къ водѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ я возвратилась къ Марко съ мокрымъ платкомъ и приложила его къ его губамъ. Онъ открылъ глаза. Я опять побѣжала за водой. Я вернулась со вновь пропитаннымъ водою платкомъ и выжала его ему прямо въ ротъ. Мальчикъ проглотилъ воду и собравъ послѣднія силы, поползъ за мною къ водѣ самъ. Выпивъ ее изъ впадины всю, онъ окончательно пришелъ въ себя и сталъ меня ласкать.

— Какъ мнѣ тебя благодарить? сказалъ онъ.—Если-бы не ты, то я-бы здѣсь погибъ.

Я радостно прыгала около него, не выпуская изъ рукъ платка, и замахала имъ, точно флагомъ.

Въ это время мимо острова проходила маленькая, щегольская яхта. На ней я увидала господина, даму и дѣвочку. Я вспомнила тогда ту исторію о Робинзонѣ Крузо, которую мы разыгрывали когда-то въ Генуѣ въ балаганѣ, быстро влѣзла на дерево и изъ всѣхъ силъ стала размахивать платкомъ.

— Сюда! Сюда! сталъ въ свою очередь кричать и Марко.—Спасите! Помогите!

Мой платокъ скоро былъ съ яхты замѣченъ. Яхту остановили, отъ нея отдѣлилась лодка, два матроса подплыли къ нашему островку и взяли насъ съ собой. Когда мы очутились на яхтѣ, то нашему удивленію не было гра-

ницъ. Мы увидѣли передъ собою Женни и ея мать и отца.

— Какими судьбами! воскликнули они всѣ въ одинъ голосъ.

Марко не вѣрилъ своимъ глазамъ.

— Боже мой! забормоталъ онъ. — Неужели это вы? Да какимъ-же образомъ это могло случиться? Какъ вы могли сюда попасть?

А они тоже во всѣ глаза смотрѣли на Марко и на меня и не понимали, какъ мы могли оказаться на этомъ островкѣ.

— Марко! кричала радостно Женни..—Милый Марко! Почему ты именно здѣсь? Ну, а ты, Фриана, какъ поживаешь?

Марко смотрѣлъ на нихъ и слезы градомъ катились у него по щекамъ.

— Я ѣхалъ въ Неаполь... отвѣтилъ онъ,—къ вамъ... Мнѣ такъ хотѣлось васъ увидѣть!

Всѣ бросились къ мальчику и стали его ласкать. Различіе въ положеніяхъ было откинуто въ сторону и всѣ находились подъ вліяніемъ только естественнаго чувства радости: къ Марко отнеслись, какъ къ близкому родному.

Затѣмъ мы поплыли къ Неаполю. Когда этотъ городъ былъ уже въ виду, то отецъ Женни спросилъ моего Марко, что онъ намѣренъ дѣлать въ этомъ городѣ?

— Тамъ, за горами, у меня отецъ и мать... отвѣтилъ Марко. —Я очень хотѣлъ-бы съ ними

повидаться. Я не былъ на родинѣ уже давно.

Яхта подплывала къ берегу и передъ нами развертывался очаровательный Неаполь. Голубой заливъ, на немъ, точно чайки, бѣлые паруса, вдали — постройки, а справа голубой, прозрачный Везувій, съ клубами темнаго дыма, вырывающагося изъ него къ небу. Марко стоялъ у борта и не могъ оторвать глазъ отъ роднаго города.

Отецъ Женни подошелъ къ нему и взялъ его за плечо.

— Слушай, Марко, сказалъ онъ. —Насъ такъ необычайно свела съ тобою судьба, и я не хочу разставаться съ тобой, не оказавъ тебѣ помощи. Черезъ полчаса мы будемъ уже въ Неаполь и тамъ наши дороги разойдутся. Оставайся у меня на яхтѣ совѣмъ. Я сдѣлаю изъ тебя хорошаго моряка. Съѣзди къ родителямъ, повидайся съ ними и возвращайся потомъ ко мнѣ!

Марко былъ не въ состояніи благодарить словами. Онъ хотѣлъ покрыть поцѣлуями руки своего новаго хозяина, но тотъ не допустилъ его до этого и отошелъ къ сторонкѣ.

Но вотъ уже и Неаполь. Яхта дѣлаетъ два—три оборота винтомъ и причаливаетъ къ берегу. Всѣ суетятся, спѣшатъ, точно имъ такъ непріятно было ѣхать на пароходѣ. Вмѣстѣ съ другими выходимъ на берегъ и мы.

— Смотри-же, Марко, возвращайся къ намъ скорѣе! кричитъ ему Женни. — Мы будемъ тебя ждать!

Марко снимаетъ шляпу и еще долго размахиваетъ ею въ воздухѣ.

— До свиданія, синьорита! кричитъ онъ дѣвчкѣ съ берега. — Спасибо вамъ! Я скоро къ вамъ вернусь!

И онъ сажаетъ меня къ себѣ на плечо и черезъ весь городъ отправляется къ себѣ въ деревню.

А двѣ недѣли спустя, мы снова возвращаемся на яхту и снова отправляемся съ Женни и ея родителями въ путешествіе.

Теперь мы на яхтѣ уже „свои“.

Гіальмаръ.

СНѢЖИНКА.

Мы рано лишились матери. Нашъ отецъ все время проводилъ въ разъѣздахъ по дѣламъ службы и мы росли совершенно самостоятельно, сначала на попеченіи нашей няни, а потомъ и вовсе предоставленные самимъ себѣ. Наше имѣніе находилось на самомъ берегу моря, такъ что волны подкатывались къ самому саду, а съ противоположной стороны, изъ края въ край, пока видѣлъ глазъ, тянулся горный хребетъ, уходившій за облака. Этимъ хребтомъ мы были отрѣзаны отъ материка, во кругъ насъ верстъ на двадцать не было ни одного жилья и мы обитали точно отшельники въ монастырѣ. Я и сестра—Надя занимались цвѣтоводствомъ въ саду и ухаживали за фруктовыми деревьями, а братъ—Коля или плавалъ подъ парусомъ на лодкѣ,

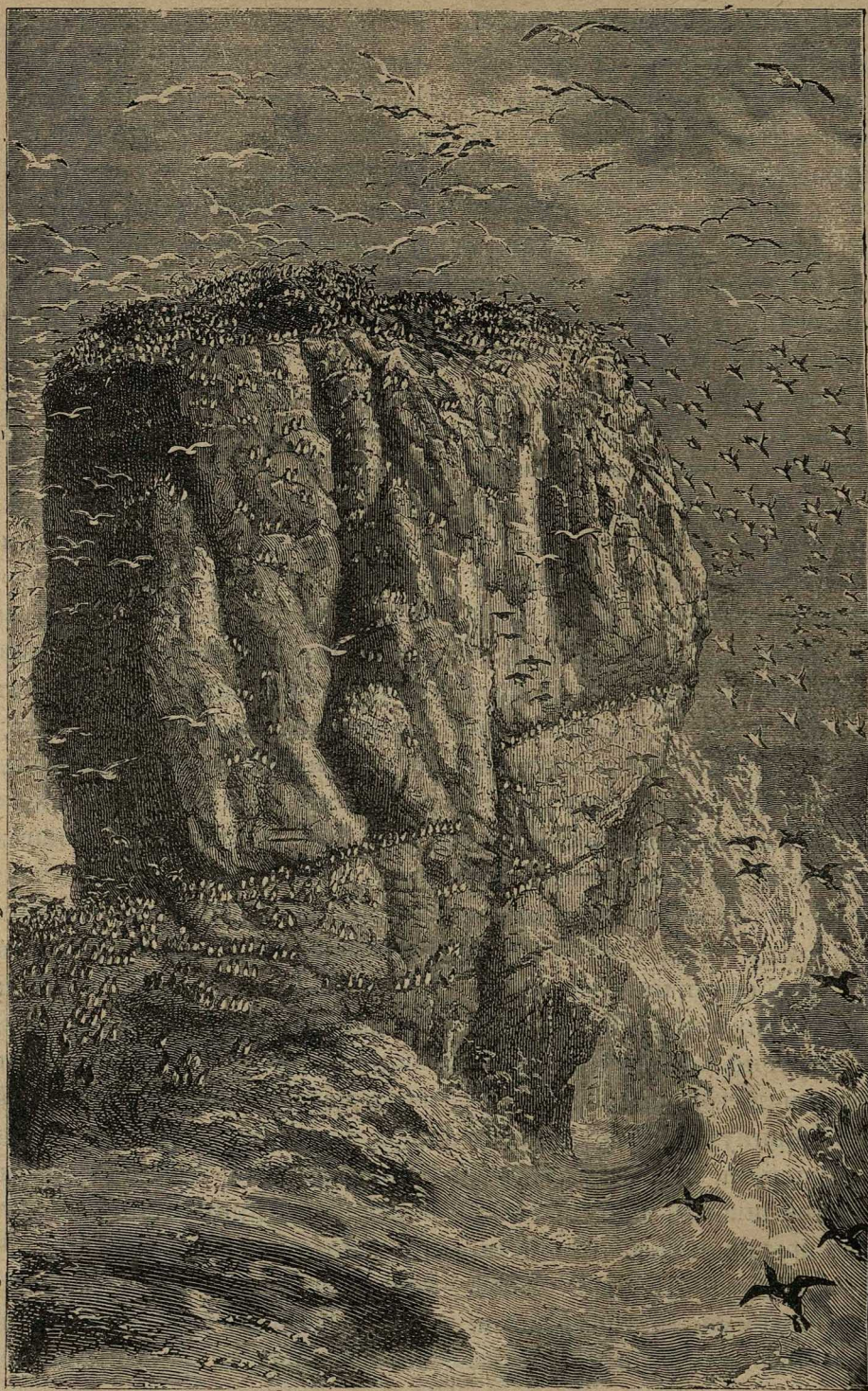
или-же уходилъ въ горы и мы часто не видали его по цѣлымъ днямъ. Но это его отсутствіе насъ не беспокоило. Не смотря на то, что Колѣ было всего только четырнадцать лѣтъ, мы, сестры, глубоко вѣрили въ его смѣлость и расторопность и нисколько не смущались его затѣями. Сидя на террасѣ, обращенной къ морю, мы часто видѣли на горизонтѣ его бѣлѣвшійся парусъ, стараясь отличить его отъ сверкавшихъ бѣлизною крыльевъ чаекъ, летавшихъ по взморью и оглашавшихъ воздухъ своими жалостными криками.

Чайки были нашими единственными друзьями. Почему-то въ нашей усадьбѣ не было даже воробьевъ,—и онѣ оживляли своимъ присутствіемъ нашу хотя и роскошную, но угрюмую природу. Невдалекѣ отъ нашей усадьбы, у

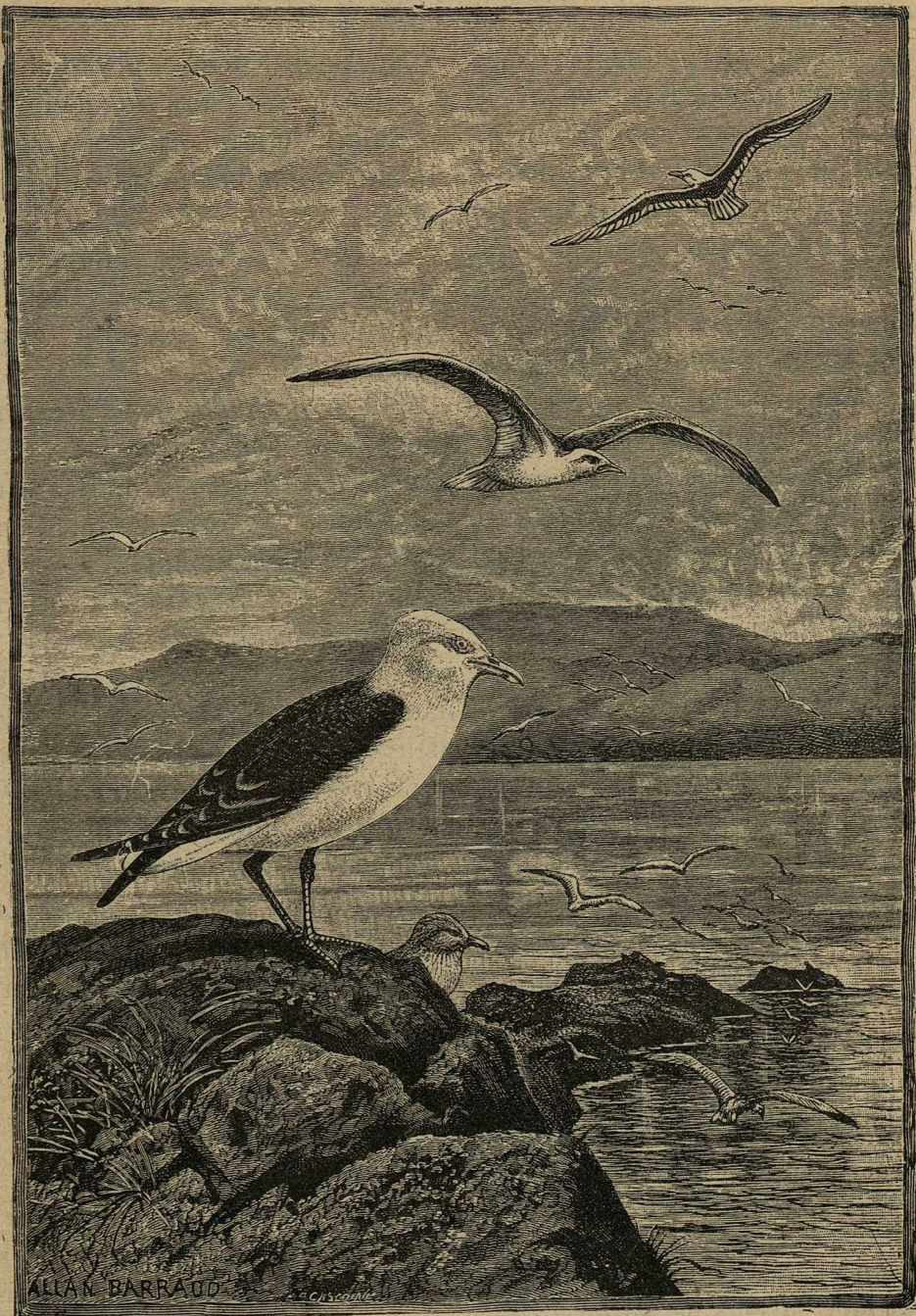
самаго моря, возвышалась почти совершенно отвѣсная скала, вся изрытая неглубокими норками, въ которыхъ гнѣздились чайки. Съ опасностью для жизни мы вскарабкивались на эту скалу и слѣдили за жизнью этихъ птицъ. Онѣ насъ не боялись, толпились вокругъ насъ сотнями, и для насъ было такъ интересно глядѣть на ихъ грубо устроенныя гнѣзда и слѣдить, какъ изъ каждой парочки пестренъкихъ зеленоватыхъ яицъ появлялись на свѣтъ пушистые, точно въ шубки одѣтые, птенцы. Сколько-бы чаекъ на скалѣ ни было, всѣ онѣ держались всегда парочками, мужъ и жена, высиживали птенцовъ по очереди и насъ приводила въ умиленіе ихъ трогательная заботливость о дѣтяхъ: стоило только нагнуться надъ гнѣздомъ, въ которомъ находились молодые птенцы, какъ мать или отецъ уже бросались къ нимъ и покрывали ихъ своими крыльями, точно желая оберечь ихъ отъ взглядовъ постороннихъ. Намъ такъ было интересно смотрѣть, какъ они кормили ихъ прямо изъ клювовъ на половину переваренной въ зобахъ пищи, и затѣмъ слѣдить, какъ у птенчиковъ мало-по-малу отрастали крылья и какъ они начинали затѣмъ забавно бѣгать по скалѣ и размахивать ими, точно веслами! Когда мы уходили отъ скалы къ себѣ домой, то чайки толпой летѣли за нами, въ особенности если

я и сестра были въ бѣлыхъ платьяхъ. Достаточно было подбросить кверху бѣлый платокъ, чтобы чайка увидѣла его за двѣ-три версты и прилетѣла бы-на него поглядѣть поближе. Зрѣніе у чайки поразительное. Она очень любопытна, въ особенности, если дѣло касается ея или ея подругъ. Я помню, какъ однажды нашъ турокъ-рабочій выстрѣлилъ въ одну изъ нихъ и убилъ. Когда она упала на землю, то всѣ чайки, всей массой слетѣли со скалы, низко спустились надъ ней, поглядѣли на нее и улетѣли обратно. Благодаря чайкамъ, у насъ въ усадьбѣ всюду была примѣрная чистота: каждый отбросъ, малѣйшая жилка отъ мяса, каждая появившаяся на деревѣ гусеница были немедленно-же съѣдаемы нашими бѣлоснѣжными друзьями. Я говорю „бѣлоснѣжными“, потому что хотя у чайки и черновато-сѣрые спина и крылья, но когда она летитъ, то вся кажется ярко бѣлой и сверкаетъ на солнцѣ. Чайка очень жадна. Она ѣстъ непрерывно, и все, что только можетъ найти. И когда въ опредѣленный часъ мы видѣли съ нашего балкона, какъ цѣлая стая чаекъ слетала съ криками со своей скалы и отправлялась въ море, то мы говорили:

— Сейчасъ изъ-за мыса покажется пассажирскій пароходъ. Чайки будутъ летѣть за нимъ до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь не

... У самого моря возвышалась совершенно отвѣсная скала. (Къ разск. „Сибѣжинка“).

Чайка. (Къ разск. „Снѣжинка“).

бросить имъ съ него какого-нибудь объѣдка или пока поваръ не выльетъ въ море помойнаго ведра.

И дѣйствительно, изъ-за лѣса всякій разъ показывался пароходъ. Испускалъ изъ себя густую полосу дыма, на который, точно обрывочки бѣлой бумаги, мелькали чайки.

И странное дѣло! Мы никогда не скучали въ обществѣ нашихъ чаекъ! Наша усадьба досталась намъ еще отъ нашихъ дѣдовъ, мы никогда не выѣзжали изъ нея, нигдѣ не бывали,—и все-таки насколько не чувствовали нашего одиночества. Не смотря на предоставленную намъ полную свободу, мы всѣ трое были очень нѣжны другъ съ другомъ, очень воспитанны и, благодаря библиотекѣ, доставшейся намъ отъ дѣдушки и занимавшей цѣлыя три большія комнаты, были очень начитаны и развиты не по лѣтамъ. Нашъ Коля, обожавшій море и начитавшійся книгъ о путешествіяхъ, воображалъ себя морякомъ и ползунъ по скаламъ. Съ утра и до вечера онъ искалъ на морѣ и въ горахъ приключеній и мы заслушивались его, когда онъ рассказывалъ намъ объ нихъ и, затаивъ отъ волненія дыханіе, старались не проронить ни одного его слова. Нашъ отецъ былъ въ молодости морякомъ, два раза объѣхалъ вокругъ свѣта и его повѣствованія вскружили нашему Николаю голо-

ву еще когда онъ былъ маленькимъ ребенкомъ.

Но всему бываетъ мѣра. Какъ-ни были для насъ интересны приключенія брата, но и на насъ они производили впечатлѣніе чрезмѣрнаго.

— Онъ увлекается черезъ край! говорила мнѣ сестра Надя. Ты, какъ старшая, должна ему запретить.

Я и сама сознавала это, но не рѣшалась брату сказать. А онъ исчезалъ на цѣлые часы, и никто не зналъ, гдѣ онъ былъ. Онъ безумно любилъ звѣрей. Гдѣ-бы ни увидѣлъ онъ раненую птичку или захромавшаго звѣрка, онъ тотчасъ-же бралъ его къ себѣ, начиналъ его лечить и затѣмъ выпускалъ на волю. Только двое изъ его питомцевъ не покинули насъ и остались съ нами навсегда,—это кроликъ, котораго Коля отбилъ у орла, и чайка—Снѣжинка, которая еще птенчикомъ свалилась со скалы изъ гнѣзда и больно расшиблась. Онъ взялъ ее, вылечилъ, воспиталъ—и она сдѣлалась у него совершенно домашней птицей. Она бродила у насъ на заднемъ дворѣ, собирала тамъ кусочки ѣды, прилетала къ намъ на балконъ, знала каждаго изъ насъ въ лицо и шла на зовъ. Какъ только она выросла и крылья у нея окрѣпли, Коля сталъ ее брать съ собою въ свои экскурсіи. Когда онъ плылъ на лодкѣ, то она ле-

тѣла рядомъ, спускалась иногда на воду, чтобы поймать рыбку и съѣсть, или-же спокойно сидѣла съ нимъ на скамейкѣ. Когда онъ уходилъ въ горы, то она съ крикомъ летѣла впереди, ни на одну минуту не упуская его изъ виду. Затѣмъ она сдѣлалась для него почтальономъ. Случилось это вотъ какъ.

Я и сестра сидѣли на террасѣ и смотрѣли на море. Оно было совершенно синяго цвѣта и бѣлые барашки вскакивали на немъ то тамъ, то здѣсь. Надъ ними летали тоже бѣлыми точками чайки, такъ что иной разъ трудно было разобратъ, гдѣ были пѣнистые барашки и гдѣ чайки. Какъ вдругъ отъ нихъ отдѣлилась одна и полетѣла въ нашу сторону. Это была Снѣжинка. И дѣйствительно, она скоро прилетѣла къ намъ и сѣла моей сестрѣ на плечо.

— Смотри, Катя, воскликнула сестра,— у нея на лапкѣ бумажка!

Я приглядѣлась и увидѣла, что это была записка, привязанная ниточкой къ ножкѣ нашей Снѣжинки. Это писалъ къ намъ братъ Николай.

„Не беспокойтесь обо мнѣ, я сегодня не буду дома ночевать. Вмѣстѣ съ рыбакомъ Ибраимомъ я уплылъ въ море на всю ночь ловить рыбу“.

Пока мы читали эту записку, Снѣжинка взмахнула крыльями и снова улетѣла въ море. Мы долго

слѣдили за нею взглядомъ, пока наконецъ она не скрылась совершенно изъ виду у горизонта. Очевидно, она возвращалась къ брату въ море.

Съ этого дня, каждый разъ какъ нашъ Коля случайно или по желанію не могъ быть во-время дома, онъ присылалъ со Снѣжинкой записку, чтобы мы его не ждали,— и мы были покойны.

Только однажды утромъ Коля отправился въ горы и Снѣжинка, по обыкновенію полетѣла за нимъ. За часъ до завтрака, когда я и сестра сидѣли на террасѣ и работали, около насъ послышалось хлопанье крыльями. Мы подняли головы и увидѣли надъ собой нашу чайку. Мы подумали, что она принесла намъ записку отъ брата, чтобы мы не ждали его къ завтраку, но никакой записки при ней не оказалось.

По обыкновенію, она сѣла на протянутую руку сестры и стала кричать и все время размахивала крыльями.

— Точно она хочетъ намъ что-то сказать! обратилась я къ сестрѣ.

— Да... отвѣтила Надя.— Но что именно?

И точно въ предчувствіи чего-то недобраго, мы съ беспокойствомъ переглянулись.

— Смотри, вдругъ испуганно воскликнула сестра и протянула ко мнѣ руку, испачканную чѣмъ-то краснымъ.— Вѣдь это кровь!

Дѣйствительно, весь животъ у Снѣжинки былъ въ крови. Первымъ нашимъ движеніемъ было тотчасъ-же осмотрѣть чайку и убѣдиться, не ранена-ли она, но, раздвинувъ ея перышки, на которыхъ была кровь, мы убѣдились, что чайка была невредима.

— Это не ея кровь! воскликнула я.—Это кровь Николая! Вѣдь Николай нѣтъ? Онъ еще не возвращался? Гдѣ Николай?

Весь домъ быстро поднялся на ноги. Вся прислуга, всѣ работники сбѣжались къ намъ, мы метались изъ стороны въ сторону и не знали, что дѣлать и что предпринять. Снѣжинка тоже въ безпокойствѣ то улетала, то прилетала обратно. Она жалобно пищала.

— Я теперь понимаю, въ чемъ дѣло, воскликнула вдругъ моя сестра.—Смотрите сейчасъ, въ какую сторону она полетитъ?

Она оторвала кусочекъ бумажки, свернула его въ трубку и привязала къ ножкѣ чайки. Снѣжинка подумала, что это была записка къ нашему брату Колѣ, и тотчасъ-же полетѣла куда-то въ горы. Двое изъ нашихъ работниковъ выбѣжали на дорогу и прослѣдили направление, по которому она скрылась изъ виду.

— Она полетѣла туда! закричали они.—Къ Крестовой горѣ!

Мы всѣ тотчасъ-же побѣжали вслѣдъ за чайкой, поднялись на Крестовую гору и заглянули съ

ея стремнины внизъ. Сорвавшись съ горы, внизу, на днѣ пропасти лежалъ навзничъ нашъ Николай и былъ блѣденъ, какъ смерть. На немъ сидѣла Снѣжинка, пищала и махала крыльями.

Мы испугались.

— Вережку! Вережку! закричала я внѣ себя отъ страха.—Давайте скорѣе сюда веревку!

Одинъ изъ работниковъ сбѣгалъ домой за веревкой, и пока онъ ее принесъ, мнѣ показалось, что прошелъ цѣлый годъ. Я уже не помню хорошенько, кто эту веревку держалъ, кто по ней спускался внизъ, — все перепуталось у меня въ глазахъ. Помню только, что когда вытащили изъ пропасти моего брата, у котораго оказалось разбитой до крови голова, то вмѣстѣ съ нимъ была поднята и Снѣжинка: она такъ и осталась сидѣть у него на плечѣ.

Слава Богу, Колю скоро привели въ чувство и перенесли домой. Онъ скоро поправился и не прошло и двухъ недѣль, какъ онъ снова уже сталъ далеко уходить въ море подъ парусомъ. Но для него самого, и для насъ было совершенно ясно, что если-бы не наша милая Снѣжинка, то объ его паденіи со скалы въ пропасть такъ и не догадался-бы никто и онъ остался-бы тамъ лежать навсегда.

— Ай, да Снѣжинка! восклицалъ онъ въ восторгѣ, ты молодчина!— Ты-мой самый лучший другъ!

А Снѣжинка точно понимала его и попрежнему всюду слѣдовала за нимъ.

Она прожила у насъ, я помню, еще очень долгое время. Чайки вообще очень долго живутъ. Мы съ сестрой выросли, обѣ вышли

замужъ и имѣли уже дѣтей, когда нашъ братъ Коля получилъ командованіе надъ судномъ и отправился въ дальніе края уже въ качествѣ морского офицера.

Вмѣстѣ съ нимъ улетѣла и наша Снѣжинка.

Евгенія М.

УЖЪ РАМЫ ВСТАВИЛИ...

Ужъ рамы вставили и вязкой
По всѣмъ щелямъ, со всѣхъ сто-
ронъ,
Мы ихъ обмазали замазкой
И сразу смолкъ на церкви звонъ.

—
Всѣ звуки какъ-то вдругъ застыли
И тихо стало такъ у насъ,
Какъ будто мы сидимъ въ бутылки,
Какъ будто вдругъ нашъ слухъ
погасъ.

Вотъ принесли къ намъ обезьянку,
Цыганъ зашелъ съ ней къ намъ
на дворъ,

Но ужъ не слышно къ намъ шар-
манку,

Не слышенъ къ намъ и разговоръ.

—
И такъ пробудемъ мы въ бутылки
До самой радостной весны...

Приди-жь, весна! Мы приуныли.
Навей на насъ златые сны!

Кузнечикъ.

НАТАША.

ПОВѢСТЬ.

Рѣзкій пронзительный вѣтеръ дуетъ по дорогѣ, которая тянется вдоль живой изгороди парка. Трава уже пожелтѣла и опавшіе листья быстро бѣгутъ по вѣтру. Во время заката солнца еще уцѣлѣвшая на деревьяхъ листва кажется кроваво-красной. На дворѣ—Октябрь. По дорогѣ идутъ три путника: одинъ изъ нихъ крѣпкій, коренастый

мальчикъ съ узломъ за плечами, другая—женщина въ траурѣ, по-видимому вдова, съ блѣднымъ лицомъ и съ печальными глазами. Она одѣта въ старенькій, но очень приличный костюмъ и въ башмаки, по которымъ можно судить, что она идетъ издалека, быть можетъ даже для того, чтобы съэкономить лишній двугривенный на извоз-

чикъ. Третья—была дѣвочка, совсемъ еще дитя. Она бѣжала сбоку своей матери.

Спускаются сумерки. Высоко надъ головой громаднымъ полчищемъ пролетаютъ съ криками галки. Потягиваетъ откуда-то сыростью, точно изъ погреба. Дѣвочка то и дѣло начинаетъ спотыкаться о валяющіеся по дорогѣ, обломанные вѣтромъ, сучья.

Все время тянется живая изгородь парка, но жилья еще не видно. Съ другой стороны дороги—пустыя, сжатая, унылыя поля, по которымъ бродятъ овцы. Пастухъ съ любопытствомъ смотритъ на прохожихъ и угрюмо ворчитъ собака.

— Мама, скоро? спрашиваетъ дѣвочка пискливымъ голоскомъ.

Она уже устала и не можетъ идти. Мать ей не отвѣчаетъ. Она слишкомъ занята своими мыслями.

— Теперь уже скоро! старается ободрить дѣвочку мальчуганъ.

Дорога спускается внизъ въ не глубокую, лощину и затѣмъ круто поднимается наверхъ. Здѣсь живая изгородь парка отходить въ сторону. У самаго ея угла женщина поскользывается, хватается за грудь и затѣмъ падаетъ безъ чувствъ. Мальчикъ останавливается и въ удивленіи молчитъ. Дѣвочка начинаетъ плакать.

Но сбоку раздаются голоса. Мальчикъ оглядывается и видитъ красивенькій деревенскій домикъ.

Это усадьба „Березки“. Передъ домикомъ ходятъ двѣ его юныя обитательницы—барышни Варенька и Наденька Бѣгуновы. Обѣимъ имъ нѣтъ еще и по двадцати лѣтъ. Онѣ рано осиротѣли и принуждены жить въ своей родовой усадьбѣ однѣ. Хотя онѣ всегда и заняты по хозяйству, но какъ только спускаются сумерки, имъ начинаетъ становиться скучно и онѣ выходятъ далеко гулять. Нагулявшись, онѣ бродятъ около домика и смотрятъ на дорогу. Онѣ уже давно замѣтили нашихъ путниковъ, а теперь онѣ слышатъ уже и плачь ребенка.

— Тамъ что-то случилось, говоритъ Наденька.— Пойдемъ, посмотримъ!

И онѣ обѣ выбѣгаютъ на дорогу.

— Въ чемъ дѣло? Что случилось? спрашиваютъ онѣ у мальчика.

— Не знаю... отвѣчаетъ онъ.— Шла вотъ и вдругъ упала!

— Ты ей сынъ, или чужой?

— Чужой!.. Вотъ эта дѣвочка ей дочь, а я—чужой. Я несъ ея узелъ отъ станціи. Она пріѣхала съ поѣздомъ.

— Надо позвать Ефима Ивановича... сказала Варенька.

Ефимъ Ивановичъ былъ садовникъ. Онъ жилъ почти у самыхъ воротъ, въ избушкѣ, изъ трубы которой теперь шелъ сизый, душистый дымъ. Варенька пошла за садовникомъ.

— Это твоя мама? обратилась къ дѣвочкѣ Наденька.

Дѣвочка такъ рыдала, что не могла говорить. Пришли Варенька и садовникъ. Съ помощью мальчика садовникъ перетащилъ женщину съ дороги на траву, но она не приходила въ сознание; сильная блѣдность была разлита по ея лицу.

— Ее нельзя оставить здѣсь, сказала Наденька.—Давайте перенесемъ ее въ домъ!

Варенька вопросительно посмотрѣла на нее, но дѣлать было больше нечего и самое обыкновенное, простое чувство состраданія требовало взять женщину съ дороги и съ вѣтра и перенести ее подъ крышу. Поэтому Варенька, какъ старшая, сдѣлала знакъ садовнику и мальчику, они взяли незнакомку за плечи и за ноги и, предшествуемые сестрами, понесли ее въ домъ. Въ прихожей они остановились. Въ правую дверь виднѣлась комната съ ярко топившеюся печкой, а въ лѣвую—столовая съ накрытымъ столомъ.

— Куда ее положить? спросилъ садовникъ.

Наденька подумала.

— Здѣсь, въ столовой, есть турецкій диванъ... сказала она нерѣшительно.—Но наверху, пожалуй, будетъ лучше. Тамъ кровать. Ее можно было бы уложить въ постель.

Изъ правой двери высунулись

удивленные лица кухарки Арины и горничной Паши.

— Идите сюда! крикнула имъ Варенька.—Помогите!

Процессія стала подниматься наверхъ. Здѣсь большую уложили въ постель и укрыли одѣяломъ. Садовникъ и мальчикъ затѣмъ ушли и женщины остались однѣ. Все время дѣвочка шла позади всѣхъ и теперь стояла на колѣнкахъ передъ кроватью. На видъ ей было лѣтъ восемь. Она казалась худенькой и хрупкой. Слезы струились у нея по щекамъ. Лицо было искажено страхомъ за мать. При взглядѣ на ея пальтишко и башмаки, чувство жалости шевельнулось въ душѣ у Наденьки.

— Бѣдняжка!.. прошептала она и затѣмъ спросила громко:—Ты устала?

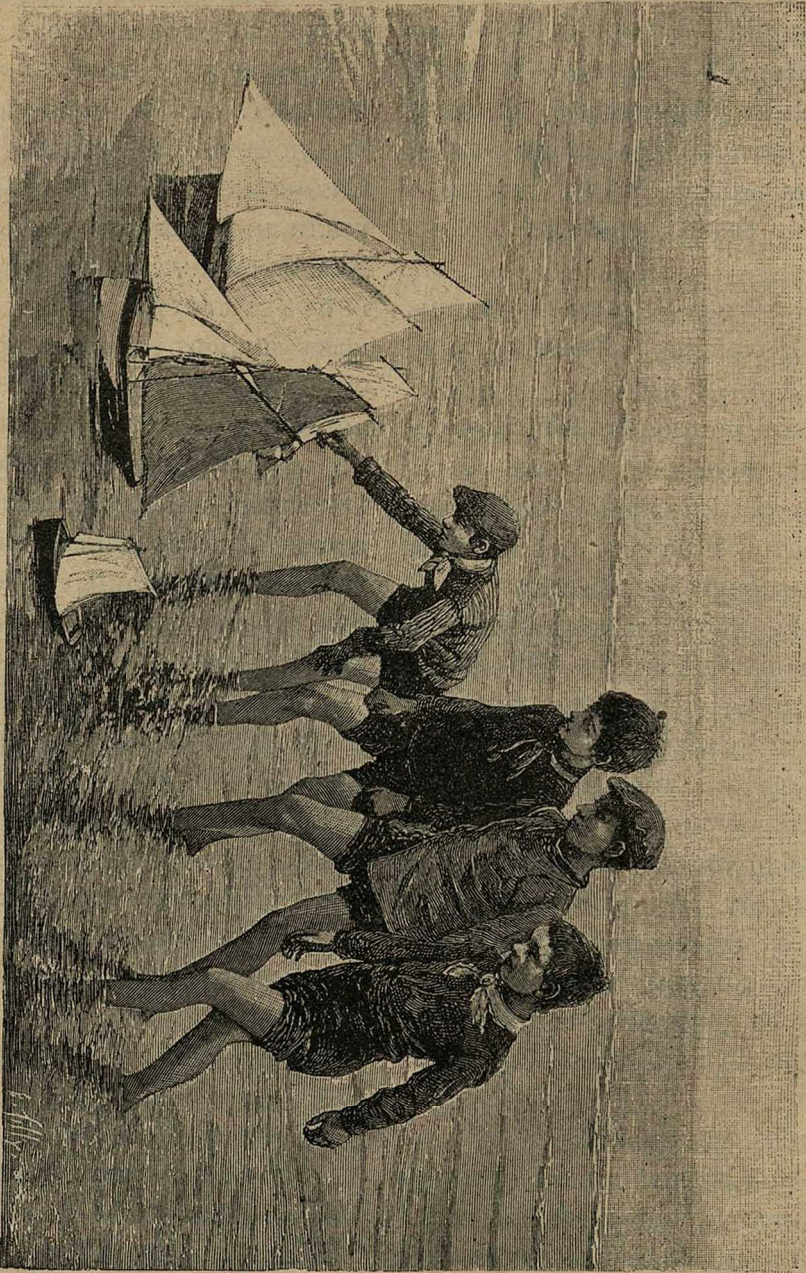
Въ ея голосѣ и манерѣ всегда было что-то располагавшее къ себѣ. Дѣвочка бросилась къ ней и обняла ее за шею. Наденька сняла съ нея пальтишко и башмаки.

— Хочешь чаю? спросила она ее.

— Хочу... отвѣтила дѣвочка.

— Паша, приготовь чай! распорядилась Варенька.

Паша и Арина вышли изъ комнаты. Пока Арина ставила самоваръ, а Паша разставляла посуду, сестры совѣщались между собой, какъ быть съ больной.

Мореплаватели.

Тоже мореплаватели.

— Я думаю, что надо послать за доктором! сказала Наденька.

— Я тоже такъ думаю, отвѣтила и Варенька.—Только уже поздно... Захочетъ ли онъ приѣхать?..

И спустившись внизъ, Варенька позвала къ себѣ кучера и велѣла ему какъ можно скорѣе ѣхать въ земскую больницу за докторомъ.

Прошли два часа. Чай давно уже отпили. Дѣвочку раздѣли и уложили спать на диванѣ. Она забыла всѣ свои тревоги и, какъ дитя, тотчасъ-же заснула. Свѣтъ отъ пылавшихъ въ печи дровъ неправильно освѣщаль блѣдное, безжизненное лицо больной и красное стеганное одѣяло, которымъ она была покрыта. Дверь изъ комнаты на лѣстницу была оставлена открытой, чтобы о малѣйшемъ движеніи было слышно внизу. Обѣ сестры сидѣли въ столовой, поджидали съ безпокойствомъ доктора и молчали.

А въ это время въ кухнѣ у кухарки Арины тоже былъ гость. Она была въ этомъ домѣ кухаркой еще при матери Вареньки и Наденьки, считала себя членомъ семьи, была необыкновенно преданна и честна, и не могла оставаться равнодушной къ чужому горю. Около нея сидѣлъ мальчикъ, сопровождавшій больную и ея дѣвочку отъ станціи. Чтобы ему было не поздно возвращаться обратно на станцію, она его оставила ночевать. Онъ сидѣлъ за сто-

ломъ и, громко откусывая сахаръ и подсмывывая носомъ, съ аппетитомъ пилъ чай.

— Пей, мой миленькій, говорила Арина смотря на мальчика ласковыми, жалостными глазами.—Поѣшь хлѣбца... А вотъ и картошка жареная, если хочешь... А потомъ и спать!

Но она не выдерживала своего ласковаго тона до конца, всакивала съ мѣста и начинала ходить по кухнѣ.

— Это все ея, Наденькины, штуки! ворчала она.—Это она у насъ такая сердобольная! Шутка-ли, втащить въ свой домъ какую-то неизвѣстную женщину, которая, того и гляди, еще и умретъ! Да что мы тогда будемъ дѣлать съ ея ребятенкомъ? Куда мы дѣнемъ его?

— А все таки ваша барышня добрая... сказалъ мальчикъ.—Я бы хотѣлъ у васъ служить.

Аринѣ нравилось, когда объ ея госпожахъ говорили хорошо. Она умилилась и сразу же перемѣнила тонъ.

— Кушай, мой миленькій!.. Кушай, соколикъ! сказала она.—Да тебя какъ звать? Въ суетѣ-то и не спрошу...

— Гришей!..

— Ты самъ-то чей? Кто твои отецъ и мать?

— Я—сирота.

— Ахъ, ты мой миленькій! вдругъ воскликнула Арина, и на ея глазахъ показались слезы.—Такой

еще клопъ и уже самъ зарабатываетъ себѣ на хлѣбъ? Ты гдѣ служишь-то?

И она налила ему еще чашку чаю. Онъ былъ уже сытъ, но изъ вѣжливости не отказался.

— Я живу у начальника станціи Ивана Михайловича... сказалъ онъ.—Гружу вагоны и вотъ помогаю пассажирамъ таскать ихъ вещи. Я—забытый.

— То-есть какъ это „забытый?“ спросила въ недоумѣніи Арина.

— Когда я былъ еще маленькимъ и не умѣлъ говорить, то меня кто-то позабылъ въ вагонѣ. Вотъ Иванъ Михайловичъ меня къ себѣ и взялъ...

Арина всплеснула руками.

— Господи ты, Боже мой! воскликнула она.—Да мать-то, мать твоя гдѣ въ то время была? Неужто она тебя не хватилась?

Мальчикъ, повидимому, давно уже привыкъ къ такимъ восклицаніямъ, потому что спокойно допилъ чай до конца, перевернулъ чашку вверхъ донышкомъ и положилъ на нее огрызокъ сахара.

— Не знаю, гдѣ моя мать... отвѣтилъ онъ равнодушно.—А можетъ быть ее и вовсе никогда у меня не было!.. Спасибо вамъ за угощеніе!

Онъ помолился и отошелъ въ уголъ. Въ это время въ кухню вбѣжала Паша.

— Докторъ пріѣхалъ! сказала она.

Мальчикъ посидѣлъ еще немного, опять помолился и улегся спать.

— Сироточка!.. указала на него подбородкомъ кухарка и глубоко вздохнула.

Докторъ Егоръ Егорычъ осмотрѣлъ больную, выслушалъ ее и нахмурился.

— Что съ ней? спросила Варенька съ безпокойствомъ.

— Плохо дѣло!.. отвѣтилъ онъ.—Сердце совсѣмъ почти не бьется. Пульсъ еле-еле слышно... Но какія вы неосторожныя!

-- А что?.. испугалась Наденька.

— Да развѣ можно всякую встрѣчную втаскивать къ себѣ въ домъ? Вѣдь это потомъ грѣха не оберешься!

Варенька и Наденька смолчали. Сперва ихъ побранила кухарка за то, что онѣ поступили, какъ имъ подсказало сердце, а теперь то же говорить и докторъ, котораго онѣ обѣ глубоко уважали. Неужели-же можно было поступить какъ-нибудь иначе? Неужели онѣ должны были пройти мимо пострадавшей и оставить ее одну? Нѣтъ, этого не могло быть никогда!

— У нея есть дѣвочка... сказала Варенька.—Она тоже здѣсь, у насъ...

— Этого еще не доставало! воскликнулъ докторъ.—Ну, что вы надѣлали? Въ случаѣ чего, куда вы дѣнете ея ребенка? Ай ай-ай...

Докторъ всегда любилъ балагурить. Эти его слова показались сестрамъ шуткой и онѣ улынулись.

— Да нечего тутъ улыбаться! продолжалъ докторъ.—Дѣло серьезное! Теперь ужъ нужно слѣдить, да слѣдить! Не спите обѣ всю ночь и сидите тутъ около кровати. Быть можетъ, больная очнется и что-нибудь скажетъ. Постарайтесь узнать отъ нея все: кто она, откуда и куда дѣвать ея ребенка? Смотрите-же, не упустите момента! Дѣло очень серьезное!.. А мнѣ уже пора! До свиданія...

Онѣ взявъ шляпу, простился и уѣхалъ.

Варенька была слабѣе духомъ, чѣмъ Наденька, хотя и была старше ея, слова доктора поколебали ее и она уже стала раскаиваться что все такъ случилось.

— Посиди, Надя, ты... сказала она.—А я не могу!..

Наденка согласилась и онѣ разстались.

Все въ домѣ затихло, только слышно было, какъ на дворѣ шумѣли деревья. Ночь была темна. Вѣтеръ постукивалъ ставнями и отъ этихъ постукиваній, всеобщей тишины и присутствія въ домѣ больного Наденькѣ стало тоскливо. Она отворила окошко и выглянула на дворъ. Тяжелыя массы облаковъ ползли по небу, но дождя не было. Въ перерывахъ между облаками ласково мерцали звѣзды.

И вдругъ больная шевельнулась.

Наденька тотчасъ-же бросилась къ ней и насторожилась.

— Гдѣ я? спросила больная упавшимъ голосомъ.

— Вы въ безопасности... отвѣтила Наденька.— Вы лишились чувствъ и упали около нашихъ воротъ. Теперь вы у насъ... И ваша дѣвочка тоже у насъ...

— Славу Богу...

— Кто вы? Какъ васъ зовутъ?

— Ольга...

Фамилію Наденька не слышала.

— Гдѣ вы живете? Гдѣ вашъ домъ? продолжала она.

— У меня нѣтъ дома... прошептала больная.—Я шла поступать на мѣсто...

Больная еле дышала. Наденька испугалась, что не успѣетъ ее спросить до конца.

— Вы вдова? спросила она.

— Да.

— Есть у васъ здѣсь родственники? Ну, хоть какіе-нибудь знакомые?

Отвѣта не послѣдовало.

— Эта дѣвочка—ваша дочь?

— Да... Ее зовутъ Наташа...

И точно собравшись съ послѣдними силами, она продолжала:

— Напишите скорѣе въ Одессу... Къ Андрею Петровичу Быкову... Онъ ее возьметъ, не оставитъ...

— Гдѣ онъ тамъ живетъ?

Больная еле имѣла силъ прошептать адресъ этого Быкова и смолкла. Наденька записала его

на бумажкѣ, сѣла у стола, положила голову на локоть и долго думала. А затѣмъ она заснула.

Настало утро, слышались шаги Арины, замычали коровы, закудахтали куры—и все въ домѣ поднялось. Проснулась и Наташа, свѣженькая, живая, полная удивленія отъ всего. Начались разговоры, застучала посуда, понесся запахъ поджареннымъ лукомъ—и жизнь вступила въ свои права. Пили утренній чай, завтракали, занимались дѣломъ и разговаривали—и все время больная лежала безъ сознанія. Послѣ обѣда пріѣхалъ изъ больницы фельдшеръ съ письмомъ отъ доктора Егора Егорыча и больную уложили въ экипажъ и увезли въ больницу.

И осталась Наташа у Вареньки и Наденьки одна. Какъ дитя, она не понимала всей серьезности своего положенія, радовалась, что съ ней хорошо обращались всѣ, бѣгала по саду и всюду совала свой носъ. Ея звонкій крикъ и смѣхъ оживили собой всю усадьбу и, какъ ни было тяжело на сердцѣ у Наденьки, ей все таки было пріятно, что въ усадьбѣ появился маленькій человѣчекъ, который бѣгалъ, задавалъ вопросы, смѣялся и былъ милъ и ласковъ, какъ ангелъ.

— Ахъ, барышня, барышня, заговорила кухарка Арина, когда Наденька пришла къ ней зачѣмъ-то въ кухню.—Ну, что, если эта

дѣвочка да останется у васъ совсѣмъ? Куда вы ее дѣнете?

Наденькѣ было-бы очень пріятно, если-бы Наташа осталась въ усадьбѣ совсѣмъ. Но она почему-то испугалась этого и робко отвѣтила:—

— Не бойся, Ариша. У нея есть въ Одессѣ родственники.. Мы напишемъ имъ и они ее возьмутъ къ себѣ.

— Ну, славу Богу!.. перекрестилась Ариша.

И вдругъ изъ-за печки высунулась плутоватая рожица Гриши.

— А это что за мальчуганъ? спросила Наденька.

Кухарка смутилась и закрыла губы фартухомъ.

— Это Гринька.. отвѣтила она.—Вчерашній мальчуганъ.. Онъ хотѣлъ было уйти сегодня утромъ къ себѣ на станцію, да я его оставила.. Тоже вѣдь сирота.. Жалко его.. Пусть себѣ поживетъ у насъ!.. Некому его пожалѣть, приголубить. Я хоть рубашонку-то его постираю!.. Вотъ и штанишки тоже..

И на глазахъ у нея появились слезы.

Наденька увидѣла у печки корыто и въ немъ намоченныя въ мыльной водѣ рубашку, штаны и куртку Гриши.

— Въ чемъ-же онъ у тебя сейчасъ? удивилась Наденька.

— А въ моей, барышня, рубашкѣ! Я приказала ему надѣть

ее и сидѣть за печкой и не выходить, пока не будетъ готово его бѣлье.

Наденькѣ показалось это забавнымъ.

— А ну-ка, покажись сюда! крикнула она Гришѣ.

Мальчикъ вышелъ изъ-за печки. На немъ была надѣта женская рубашка и руки и грудь у него были голые. Онъ былъ необыкновенно смѣшонъ въ этомъ костюмѣ и въ то-же время ему было неловко, что на него смотрѣли.

— Гы-и! засмѣялся онъ. — Я теперь дѣвчонка! Гы-и!

Ариша смотрѣла на него съ умилениемъ. А потомъ она подошла къ Наденькѣ и, опять закрывъ губы подоломъ фартуха, совѣстливо стала ее просить:—

— Барышня, позвольте этому Гринкѣ пожить у насъ еще денекъ или два!.. Вѣдь онъ сирота! Какъ его не пожалѣть? Кто его приголубить?

Наденька еще разъ поглядѣла на Гришу, улыбнулась и отвѣтила:—

— Да мнѣ-то что? Пусть себѣ живетъ! Только его могутъ хватиться дома!

Гриша обрадовался, высунулся изъ-за печки и его плутоватое лицо расплылось въ широкую, довольную улыбку.

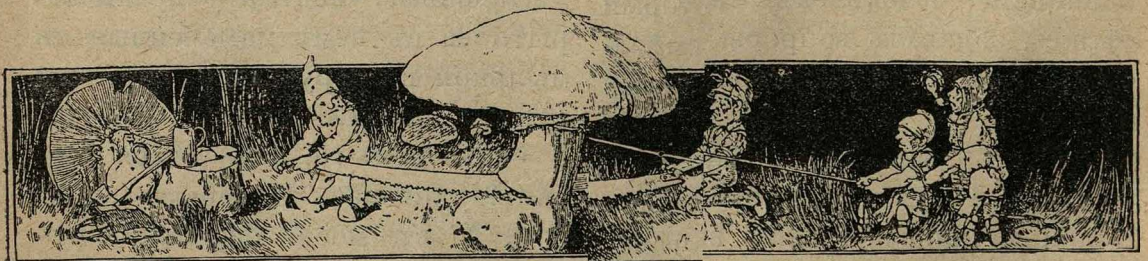
— Гы-и! засмѣялся онъ. — Я завтра сбѣгаю на станцію, скажу начальнику Ивану Михайловичу, что я у васъ, и прибѣгу обратно. Гы-и! Здѣсь хорошо!

Наденька снова улыбнулась и вышла изъ кухни. Въ глубинѣ парка раздавался веселый голосъ и смѣхъ Наташи. Она пошла на него и увидала умиленную картину: Варенька, горничная Паша и жена садовника бѣгали съ нею и играли въ пятнашки. Наденькѣ вдругъ стало весело. Она присоединилась къ играющимъ, схватила Наташу на руки и стала ее горячо цѣловать.

Ахъ, какъ ей вдругъ захотѣлось, чтобы эта дѣвчонка осталась у нихъ совсѣмъ!

М. Б—скій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Корзинка полна доверху всякими жизненными припасами: въ ней—хлѣбъ, мясо, сыръ, всякая зелень и прочее и прочее. Чего въ ней не достаетъ еще?

II.

Насъ всѣхъ было десять человѣкъ. Въ корзинкѣ было десять яблокъ. Каждый изъ насъ взялъ по одному яблоку и все-таки въ корзинкѣ осталось одно яблоко.

Какъ это могло случиться?

III.

Задуманное слово состоитъ изъ восьми буквъ: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. Буквы 2. 1. 3. 5. 1—означаютъ рѣчное судно, 7. 6. 3. 6. 5. 1—птицу, 5. 6. 3. 5. 1—принадлежность хлѣба, апельсина и т. п., 3. 4. 7. 8—хлѣбный злакъ, 2. 1. 3. 2. 1. 3. 4. 7. 8—колючій ягодный кустарникъ, 5. 6. 5. 7. 8—уголь, 2. 6. 2. 3. 8—пушного звѣря, 7. 6. 2. 1. 5. 1—домашнее животное; 6. 5. 6. 3. 6. 5. 8—то, что готовятъ обыкновенно къ Пасхѣ и къ Рождеству.

Найти всѣ эти слова и задуманное слово, которое означаетъ вкусный фруктъ съ косточкой, растущій на югѣ Россіи.

IV.

Около дерева стоялъ мальчикъ. Дѣвочка позвала его гулять. Онъ не согласился. Тогда она сказала

ему:—„Какой ты дуракъ!“ и пошла гулять одна. Мальчикъ обидѣлся и ушелъ къ себѣ домой.

Отчего онъ ушелъ домой?

V.

Почему во время бури пароходъ качается съ боку на бокъ?

VI.

Задуманы три слова, означающія:

1. То, чѣмъ питается человѣкъ съ момента рожденія.

2. То, чѣмъ дамы любятъ украшать свои шляпы.

3. То, безъ чего невысказано ни одно живое существо.

Отъ cadaго изъ этихъ словъ взять по послѣднему слогу и составить изъ этихъ слоговъ новое слово, означающее домашнее животное.

Какія слова задуманы и какое это животное?

VII.

Задуманы четыре слова, означающія:

1. То, чѣмъ умываются.

2. То, чѣмъ питаются.

3. То, во что глядятся.

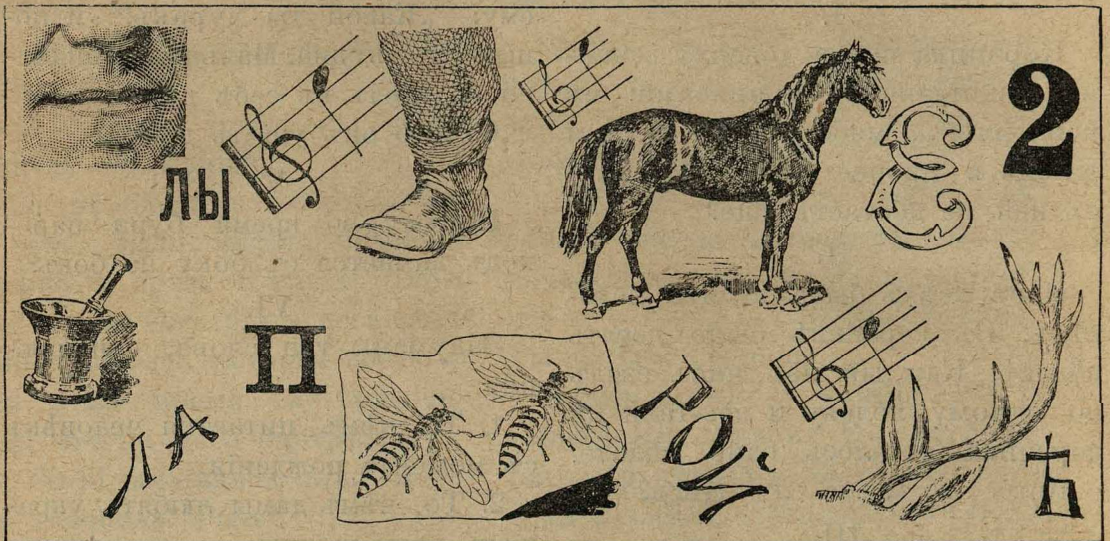
4. То, чѣмъ увлекаются въ музыкѣ.

Отъ cadaго изъ этихъ словъ взять по послѣднему слогу и составить изъ этихъ слоговъ новое слово, которое означаетъ машину.

Какія слова задуманы и какое это новое слово?

Ребусъ № 1.

(Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ ребусъ или головоломки, будутъ напечатаны).

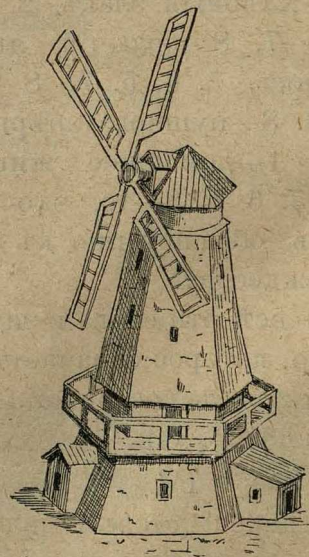
Рѣшеніе головоломокъ и ребуса № 23, помѣщен- ныхъ въ № 23 „Золотого Дѣтства“.

Головоломки: I.) Море, панорама, малина, пальма, нора, арена, омаръ, лимонъ, ремень. Задуманныя слова—Неаполь, Римъ. II.) Минута, ноты, газета—минога. III.) Колесо, мыло, зима— солома. IV.) Отъ земли. V.) Польз ушка (по- лушка).

Ребусъ № 23. На+бе+ре+губы+строй+ре+ кипа+с+лосъ+ста+до+гус+ей = На берегу быстрой рѣки паслось стадо гусей.

Вѣрныя рѣшенія прислали: Н. Пироговъ, Славочка и Костя Католякъ, Митя и Наташа Львовы, И. Смоленскій, Шура Демоловичъ, Се- режа Думаревскій, Яковъ Эспозито, Вася и Поля Орловы, Коля и Тоня Баскаковы, Леонардъ и Эдгаръ фонъ-Рихтеръ и Mademoiselle Robin, Миша Шиллингъ, Фира Коганъ, Тая насмѣ- шница и Сережа—насмѣшникъ, Галя, Муся и Вася Леоновичъ, Лидочка Остаюкъ, Соня Вале- гать—Домкова, Жена Кельхъ, Сережа и Шура Торвидъ, Кина Живилова, Леля Кузнецова. Всева Тугольсовъ, Миша Дряхловъ, Юсь Ма- ленькій, Зина и Юра Манштейнъ, Тая Долга- нова, Люся и Липутя Любимовы, Костя Брей- еръ, Маня Левина, Лида Соболева, Лена Арма- шевская, Лима Бабенко, Вѣрочка Эссенъ, Сергѣй

Кулагинъ, Костя и Жена Цвѣтковы, Отя и Люся Яницкіе, Зоя, Жена и Ваня Омины, Алеша Са- шевскій, Тая и Галя Мучкапскіе, Эсфирь Са- пакъ, Тая Селунская.

Модель приложенія къ этому номеру.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на художественно-литературный журналъ
для дѣтей (7—12 лѣтъ)
„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ).

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Кромѣ художественно исполненныхъ иллюстрацій, дѣти въ «Золотомъ Дѣтствѣ» найдутъ: повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насекомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарady и проч. и проч.

При каждомъ номерѣ приложенія въ краскахъ: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе „Золотого Дѣтства“

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

24 НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.

12 КАРТИНЪ для украшенія дѣтской.

12 ИГРЪ для дѣтей.

24 ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (домики, автоматы, мебель, экипажи и проч. и проч.), а именно:

1) Музыкантъ и паяцъ.	13) Карета съ лошадкой.
2) Спальня.	14) Избушка лѣсника.
3) Нѣмецъ и лягушка.	15) Шотландскій домикъ.
4) Японскій извожикъ.	16) Плита съ посудой.
5) Сѣверянинъ съ оленемъ.	17) Заводъ.
6) Два прыгуна.	18) Шведская дозорная башня.
7) Мельница.	19) Англійская ферма.
8) Дача на югѣ.	20) Лодка.
9) Пароходъ у пристани.	21) Маякъ на морѣ.
10) Пильщикъ.	22) Сямская телѣга.
11) и 12) Помѣщичья усадьба.	23) и 24) Уѣздный городишко.

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ:

Книга съ иллюстраціями:

„ВЪ НЕВОЛѢ“.

Книга эта будетъ прочтена дѣтьми не разъ съ захватывающимъ интересомъ. Е

Головоломки и ребусы, помѣщаемые въ «Золотомъ Дѣтствѣ», являются интереснымъ развлеченіемъ для дѣтей, приучающимъ ихъ ориентироваться въ царствѣ смекалки.

Имѣемъ отзывы, что по содержанію и изящной внѣшности „Золотое Дѣтство“ является однимъ изъ лучшихъ дѣтскихъ журналовъ въ Россіи.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія бібліотеки городскихъ училищъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ 3 р. 80 к., на полгода—2 руб.

Подписка принимается въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», Петроградъ, Каменноостровскій проспектъ, 26.

3 р. 80 к.

Редакторъ—Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.